

различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого черного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведет зеленого льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, мой сын, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови».

Оставить этот текст не истолкованным — а именно так следовало бы сделать, если он миф, — означает погрузить его в беспамятное историческое забытие. В лучшем случае посчитать этот красивый текст инкрустированной безделицей, пришедшейся к слову. Но можно и объяснить — переобозначить на разные лады: на химический лад (химические реакции, представшие звероподобными воплощениями, их перипетиями); на метафорический, так сказать, поучительно-притчевый; наконец, на лад чистой чепухи, лженаучный и обскурантиский. Можно и объяснить, и расшифровать. Но всегда останется нечто гармонически неразложимое, алгеброй неповеряемое. Цельное — непроницаемое — зовущее проникнуть в себя, себя же и постичь.

Начинается шестое истолкование этого алхимического сновидения². Рациональное — какое бы то ни было! — истолкование всякий раз оборачивается неполнотою этого истолкования, вынуждающего предпринять еще одно в надежде на окончательную однозначность.

Звероподобные и змееобразные метаморфозы во имя золота. Золото во имя цветных львов и черного дракона. Итак, алхимический сон. Греза Джорджа Рипли, в главном совпадающая со всеми иными снами всех иных алхимиков всех десяти алхимических столетий. Это сон о событии главном и единственном — о получении философского камня, а с его помощью золота: здесь и теперь, повсеместно и навеки. Смерть ржавого железа и его воскрешение, но уже в солнечном блеске золота. Сбывшихся снов никогда не бывает, но они всегда есть. Это перефразированный Салюстий, неоплатоник IV века, тонко проникший, что миф говорит о вещах, которых никогда не было, но которые всегда есть. В этом смысле злато-сереброискательский сон — миф.

Миф — всегда магия. То же и алхимия как практическое дело. Но хтонические глубины алхимической магии связаны с кровосмешением. Этому можно найти подтверждение у древних, например у Катутла, которого толкует С. С. Аверинцев в красивой статье «К истолкованию символики мифа об Эдипе»: если маг хочет проникнуть в великие тайны

² Но, как верно замечает Томас Манн все в том же «Иосифе...», «видеть сны и толковать сны — это разные вещи» (1968, 2, с. 481). А сверхзадача историка в том и состоит, чтобы отождествить эти два дела: видеть документальные сны и научно их толковать. Понятно: миф и сон, конечно же, не одно и то же. Но, взятые как метафоры, и тот и другой могут участвовать в нашей игре.